

Отец веры / The Father of Faith (рассказ)

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

Отец веры / The Father of Faith
(рассказ)

Автор	Джон Френч / John French
Переводчик	T.I. Shean
Издательство	Black Library
Серия книг	Горианские войны (серия)
Входит в сборник	Горианские войны: Прорицание (сборник)
Предыдущая книга	Сын скорбей / The Son of Sorrows (рассказ)
Следующая книга	Благословение святых / The Blessing of Saints (рассказ)
Год издания	2019
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Скачать	EPUB , FB2 , MOBI
Поддержать проект	

Нет ничего хуже, чем осознать, что твой отец смертен, неидеален и всегда таким был.

*Из «Жизнеописания Себастиана Тора»,
запрещённого как еретическое
произведение около М37*

Знаете, что я терпеть не могу?

Тишину. Если она тянется слишком долго, я начинаю тосковать по грохоту цепей, гудению механизмов или топоту шагов. Не опровергает ли это мнение, что в конечном счёте к чему угодно можно привыкнуть?..

Последнее время я всё чаще прихожу сюда. Здесь, глубоко в темноте, тревожимой лишь биением машинного сердца «Дионисии», время как будто начинает терять значение. Прошлое становится ближе, будущее - дальше. Меня зовут Йозеф Хорив, я проповедник культа Императора, некогда аббат-инструктор Схолы Прогениум, ныне служитель Инквизиции, а для тех, кто меня знает, чаще всего просто Йозеф.

Я стар. Я всё ещё могу ходить, мои руки пока ещё достаточно крепки, чтобы держать боевой молот, мой ум не затупился сильнее, чем прежде. Но старость сказывается не только на мышцах и мозговых клетках. Она - в том, через что тебе довелось пройти, в том, что ты помнишь, и в том, о чём ты сожалеешь. В конечном счёте, всё повторяется. Проживи долго, и ты узришь истины прошлого в обличье лжи настоящего.

По правде сказать, я точно не знаю, каков мой возраст. В той дыре в улье, где я родился, людям было не до того, чтобы считать годы, и рождение очередного вопящего младенца было событием не более

примечательным, чем свист летящей пули. В этом месте возраст измерялся в шрамах, и, судя по тому, сколько их у меня было тогда, когда пришли вербовочные отряды флота, я тогда едва успел стать взрослым. Я бился с ними, как и все мы. Они носили тяжёлые противопульные шинели с пластинами чешуйчатой брони цвета бронзы. И они были теми ещё злыми чертями. Помню, как один из моих побратимов по банде всадил нож в визор одного из них. Горло не перерезал, но физиономию вербовщику попортил. Им это не понравилось. Обычно они использовали шоковые булавы, чтобы ломать кости и тем самым вырубать нас, но на сей раз тот парень, которого пырнули ножом, увеличил мощность до предела, и одним ударом смял грудную клетку моего собрата как простую жестянку. Они продолжали бить его до тех пор, пока от него не остался лишь рыхлый ком мяса.

Мы не знали, зачем мы им понадобились и куда они нас заберут. Так что мы бились. Я проиграл. Как ни странно об этом думать сейчас, но в лице этих вербовщиков в шинелях с бронепластинами ко мне в каком-то смысле пришло спасение. Пути Императора не всегда постижимы и зримы, и орудия Его воли загадочны. То было начало, первый шаг на пути к тому, кем я стал. Моя жизнь не была лёгкой, но в ней был смысл. Надеюсь, в ней был смысл.

Почему же я говорю об этом? Почему сейчас, в одиночестве, во тьме и тишине корабельного трюма, я говорю стенам о том, что случилось так давно, словно всё это произошло с другим человеком?

Ибо иногда суть вещей становится ясна только со временем.

Я узнал новость, когда занимался в тренировочном зале «Дионисии». Двое придворных стражей дома фон Кастелян изо всех сил пытались побить меня с помощью малых шоковых щитов и тяжёлых абордажных сабель флотского образца. Я, как и подобает старику, выбрал стариковское оружие, и успешно отбивался от них пятифутовым деревянным посохом с металлическим набалдашником. В былые времена я бы внаглую пошёл прямо на них, размахивая латными рукавицами. Но не теперь. Время приучает меняться. Я стал более медленным, толстым и мудрым по сравнению с временами молодости, так что ныне в тренировочных схватках я пользуюсь тростью и позволяю юнцам атаковать меня. Лица моих противников оказались покрыты кровью, а моё – потом.

Ковенант, мой повелитель, был тем, кто сообщил мне новость. Я не видел, как он появился. Один из придворных стражей сплёл несколько умных финтов, орудя щитом и клинком. Я уклонился от его последнего выпада и сделал свой ход в тот миг, когда край щита устремился к моему лицу. Я подсёк ноги солдата посохом и свалил его на пол. Я двинул ему в шлем рукоять трости и быстро отвёл её назад, чтобы затем ударить её другого противника в живот, когда тот приблизился. Оба стража еле держались на ногах, и я треснул их по головам концом посоха. Сирена возвестила об окончании схватки. Я протянул руку и помог солдатам подняться с пола. Я тяжело дышал, но мои губы расплывались в ухмылке. Да простит меня владетельнейший и милостивейший Император за то, что я получаю удовольствие от того, что составляет мой долг, но я люблю драться. Вы могли бы подумать, что моя жизнь должна была заставить меня относиться к боям как к мрачной необходимости, но для меня это не так. В сражении – радость, и, сколько я себя помню, я всегда её чувствовал.

Придворные стражи сняли шлемы. Они ухмыльнулись мне в ответ, но затем они заметили кого-то позади меня и вытянулись в струнку, почтительно склонив головы. Я оглянулся. От входа в тренировочный зал ко мне шёл Ковенант. Он был облачён в тёмно-серые одеяния, подобные тем, что полагаются чинам Адептус Терра, но без какой-либо символики и знаков различия.

- Лорд, - сказал я и на несколько секунд склонил голову. - Чем могу служить?

Не глядя на меня, он жестом приказал солдатам удалиться. Я выждал, пока они не ушли.

- Что-то произо...

- Абернат арестован по подозрению в ереси. Его держат под стражей в святилище Экклезиархии на Бакке.

Признаюсь, на мгновение я потерял дар речи, всё равно, как если бы железный набалдашник посоха ударил меня по голове вместо тех солдат.

- В чём его обвиняют?

- В ереси и богохульстве, - сказал Ковенант. - Один из моих агентов в эшелонах власти на Бакке сообщил мне об этом в рамках отчёта об общей ситуации на месте.

Я медленно кивнул. Одна часть моего мозга всё ещё переваривала слова Ковенанта, а другая... другая пыталась найти хоть какую-то опору в мире, который сошёл со своей оси.

- Благодарю, лорд, - безжизненным голосом я кое-как выдавил из себя слова. - Ересь... но как? Я...

- Мы летим на Бакку, - сказал Ковенант.

Туман в моей голове быстро рассеялся. Нахмурившись, я посмотрел на моего повелителя:

- Лорд...

- Ты должен повидаться с ним. Если мы прибудем вовремя, ты с ним увидишься.

Я выдержал взгляд Ковенанта ещё мгновение. Вся моя жизнь была посвящена службе. Поначалу служба обретала форму в звуке и весе: звеня цепей грохотали, когда мышцы волочили их по орудийным палубам. Потом - в рёве стрелкового оружия и тяжести абордажных сабель и пик. Теперь же мера всего - слова, выбор и сила воли одного человека. Ковенант - жёсткий, как лезвие меча, неостановимый, как удар молота. Те, кто встречал его, осознают его власть и, возможно, понимают значение его должности: воплощённая воля Бога-Императора, подчинённая великой цели - добиться, чтобы человечество выжило во тьме нашего будущего. Сила его души - в самоконтроле и несгибаемой воле. Он мой друг и всегда им будет. Но он не великодушен.

- Как пожелаете, милорд, - наконец произнёс я, затем повернулся и удалился без лишних слов.

Кардинал Абернат начинал не так, как ему предстоит закончить. Как и все мы. Глядя на великих людей, мы воображаем, что они всегда были такими, что они изначально были овеяны ореолом их будущего величия. Но все мы одинаковы в том, что мы рождаемся, состоим из плоти, дышим, кричим и смеёмся. Благодаря нашим поступкам мы можем стать святыми или обречь себя на проклятье, но путь у всех нас начинается с одной и той же стартовой точки.

До того, как он был удостоен высокого сана и почестей, до того, как его биография была приглажена теми, кто не был с ним там, в начале, Абернат был совсем другим. Оба мы были.

Тем, кто никогда не служил на боевых кораблях, трудно понять, как сильно жизнь на них определяется звуками. На нижних палубах, окутанных дымом и пронизанных зловонием, нет ни солнца, ни звезд, ни луны, чтобы вести счёт времени. На верхних, командных, палубах экипаж отслеживает дневные и

ночные вахты и уменьшает яркость ламп, когда наступает ложная ночь, но внизу, под ними, вахта – это всего лишь звон корабельного колокола, эхо от которого разносится во мраке. Дни отмечаются пробитыми склянками, происшествия – рёвом сирены, а пульс мира заменяется гудением машин и бряцанием цепей.

Я должен был предвидеть, с чем столкнусь. Я вырос в залитых кровью коридорах улья, а оружейные палубы боевого корабля мало чем отличались от них; и тут, и там к смерти вели одни и те же ошибки: игнорирование мелочей, невнимательность, уверенность в собственной безопасности – так ты не увидишь нож, пока не станет слишком поздно.

На нижних палубах хозяйничали банды. Не такая уж и неожиданность. Везде есть банды. Полки, дивизии, культы, ордо, монастыри... в каком-то смысле весь Империиум – это всего лишь уличная банда, растянувшаяся на многие звёздные системы и включающая в себя миллиарды душ. На перезарядочной палубе банды выделяются по цепям, волочить которые они обречены. Любой, кто тащит цепь, принадлежит этой цепи, и никак иначе. На палубе десятки цепей, звенья некоторых из них толщиной с руку. Чем длиннее и тяжелее цепь, тем круче банда, тем сильнее те, кто в ней. Банды обязаны цепям своими названиями: Благословенные получили имя от цепи «Император Благословенный», Дети Железа – от цепи «Железо вечно»; Добряки – от цепи «Доброта службы» и так далее. Их десятки, каждая ненавидит все остальные со всей силой, на которую люди только способны.

Я входил в число Детей Железа с тех пор, как попал на оружейные палубы. Это была одна из важнейших цепей, и мы господствовали над половиной нашей палубы и несколькими расположенными ещё ниже. Я был боссом банды. У меня была кое-какая репутация и немного власти; и то, и другое я заработал в стычках на палубах. Вот так можно было сделать карьеру – проливая кровь других. Не то чтобы в других местах дела ведутся иначе, как я уже отмечал.

Но на какое-то время палубные войны затихли, не было настоящего рубилова. А мир порождает самоуспокоенность.

Я не предвидел, с чем столкнусь. Я был один, – и это уже было плохим решением, – но я находился на территории Детей Железа возле главного грузового лифта для снарядов, так что я не думал, будто я должен чего-то опасаться. Я завернул за угол, направляясь к трапу, и нарвался на остриё ножа. Девчушка, державшая его, застыла на месте. Она побледнела и тряслась от ужаса при виде того, что она только что сделала: её клинок вошёл в мои кишки по самую рукоятку и кровь стекала ей на пальцы. На мгновение я тоже замер, глядя на неё. У неё на руках были татуировки Добряков. Холод распространялся по моим внутренностям. Она дёрнула нож, пыталась вырвать его, чтобы снова меня уколоть. Моя рука сжала её запястье. Она пыталась освободиться. Мир расплывался перед моим взором. Я сделал шаг вперёд, споткнулся, и девушка-бандитка отпустила нож. Её лицо казалось мне бледным пятном. Я падал; мои слова, мои крики звучали лишь как бульканье в горле. Как если бы... как если бы верёвка, на которую я был подвешен, оказалась перерезана.

Мы хрупкие создания. Ты можешь стать таким сильным, как пожелаешь, и всё равно, стоит тебе нарваться на что-то не в том месте не в то время, ты упадёшь камнем. Вот таковы мы, мы полны слабостей, способных обречь нас на смерть.

Я помню, как всё стало очень размытым, слух и зрение постепенно отказывали мне, подобно разматывающемуся канату... Я даже не сопротивлялся. Я знал, что умираю, но не сопротивлялся. Думаю, мысль о смерти казалась умиротворяющей. Просто позволить ей случиться... в жизни больше нет смысла, если он и был в ней когда-нибудь...

- Давай, ну же, - раздался мужской голос поблизости.

Я пытался взглянуть наверх, подняться, бороться с новым врагом, кем бы он ни был. Я не смог сдвинуться с места. Мой взор застилала размытые краски. Я не осознавал, как мало сил у меня осталось, как много крови я потерял.

- Хорошо, очень хорошо: всё ещё держишься. Знаешь, на мгновение ты заставил меня поволноваться. Есть даже шанс, что жизненно важные органы не задеты. Император гордится павшими, но он предпочитает, чтобы в смерти был смысл, понимаешь? - прозвучал голос.

Хотел бы я что-нибудь ответить, но холод охватывал всё моё тело.

- Сюда! - я слышал, как этот голос призывал других людей. - Сюда, проклятые сыны и дочери родителей-идиотов, поднимите его, у нас не так много времени: всё больше и больше крови вытекает на палубу!

Думаю, я ещё помню, как чьи-то руки подняли меня, а затем уже ничего.

Я очнулся в каюте, наполненной запахом сырого мяса и пота. Вместо желудка я ощущал только комок боли. Я заорал во всю глотку, охваченный болью и гневом.

- Я бы не стал этого делать, - произнёс кто-то поблизости, и каким-то образом его голос - спокойный, полный искренности и при этом казавшийся совсем обыденным - заставил крик утихнуть, перерасти в хрип в горле.

Я осмотрелся. Я оказался на «скотобойне» - так говорили о медикэ-пунктах для нижних чинов, более ценных, чем таскатели цепей. Это прозвище они получили не зря. «Скотобойни» не славились нежным отношением к пациентам; чем они были известны, так это только обилием крови, криками и визгом пил, режущих кости. Люди чаще умирали там, чем выходили оттуда живыми, но даже такое обращение было лучше, чем то, на что мы могли бы рассчитывать на перезарядочных палубах, где шанса получить лечение не было вовсе. Я не знал, как я тут оказался, но вот сюда-то я и попал и теперь был принайтован к койке. Живот покрывала перепачканная кровью повязка.

Рядом со мной оказался мужчина в чёрной рясе; её воротник и манжеты были окаймлены белой тканью в клеточку. Его узкое лицо имело серьёзный вид, на голове виднелась неаккуратно выбритая тонзура. За его спиной я мог разглядеть других пациентов, лежащих на таких же койках, что и я. Стены были испещрены кровавыми пятнами и отливали красным. Палубу под нами расчерчивали накрытые решётками канавки-кровостоки.

- Сейчас здесь довольно тихо, - сказал человек в рясе рядом со мной, перехватив мой взгляд. - Только раненые при бунте в трюмах и пострадавшие от несчастных случаев - их всегда много, даже в отсутствие боевых действий.

Я заметался в попытках отстегнуть удерживающие меня ремни.

- Не делай этого, - сказал он, вернувшись ко мне взглядом. - В этом месте полно людей с оружием, и большинство из них не в восторге от того, что я доставил тебя сюда. Остальные ещё менее довольны тем, что, похоже, ты выживешь после того, как тебе прокололи кишки. Дай им повод, и, полагаю, они предпочтут просить у Императора прощения за убийство, чем спрашивать у меня разрешения пристрелить тебя.

- Ты... - я начал подбирать слова, сделав вывод по его словам и внешности, - ты церковник. Проклятый церковник.

- Да, я священник Бога-Императора человечества.

- Почему... почему ты подобрал меня?

Он моргнул и нахмурился, не отрывая взгляд от меня.

- У меня есть призвание, - наконец сказал он. - Я спасаю тех, кого могу. В этом моя миссия, мой священный долг.

- То есть, ты ищешь на нижних палубах умирающих и оцениваешь, можно ли их спасти, так?

Он даже не моргнул.

- Да, - сказал он.

- Итак, - сказал я, - ты думаешь, что в плане самого владетельнейшего всемогущего Им-пе-ра-то-ра есть место для меня?

- Ты жив, не так ли? Не думаешь ли ты, что это о чём-то да говорит?

- Я не... - я начал говорить, но тут он поднял палец.

Уже тогда я успел повидать в жизни немало жестокости. На моих глазах один человек целовал молот, которым только что расколотил череп друга. Я слышал жуткие угрозы, которые не были блефом, и отвечал на них ухмылкой и доставал нож. Я смотрел в дула нацеленных на меня стволов, задаваясь вопросом, не принесут ли они мне наконец смерть. Я всё это повидал, и всё же поднятый вверх палец заставил меня замолкнуть.

- Ты оказался здесь не просто так, - сказал он. - Как и я. Как и все мы. Подумайте вот о чём. Я подобрал двадцать четыре души, очутившиеся на пороге смерти, как в твоём случае. Все они умерли. Ты же, по всем признакам, выживешь. Это означает, что Император может придавать тебе больше ценности, чем ты считаешь.

- Что в итоге? Я стану каким-нибудь избранным святым или могущественным властителем, так что ли?

Священник улыбнулся.

- Многие из моих коллег восприняли бы такие слова как ересь или по меньшей мере богохульство. К счастью для тебя, я более склонен прощать, чем они. И нет, мои предположения насчёт твоего будущего куда скромнее.

- Хм, например?

- По тебе видно, что ты хорош по части убиения себе подобных. И хотя в тебе проделали дыру, ты всё ещё состоишь в основном из мышц. Императору угодны разные орудия, и на сегодня ты можешь хорошо послужить ему защищая корабль, став одним из тех, кто оберегает его и обеспечивает безопасность всего экипажа.

- Оружейщиком? - спросил я, и, признаюсь, я был удивлён. На боевом корабле существовали подразделения оружейщиков разного типа и уровня, но быть одним из них значило стоять в иерархии на

несколько ступеней выше, чем таскатели цепей на орудийных палубах. Еда получше, настоящая койка, стволы, броня, звание – столько всего приятного. – Туда не берут отребье с орудийных палуб.

– Я в хороших отношениях с лейтенантом – командиром оружейщиков средних палуб левого борта. Он согласится взять тебя.

– И чего ты хочешь от меня взамен?

– Ничего.... Ну, может, разве что ты будешь слушать меня, когда я буду приходить.

Я медленно кивнул.

– Хорошо, – сказал я в итоге.

Он улыбнулся и затем встал. Когда он поднялся, я увидел, что на его шее висел осенённый нимбом череп с выгравированным в бронзе символом «I». Он схватил череп и поцеловал его, склонил голову и затем на секунду сомкнул веки, словно в благоговении.

– Как тебя зовут? – спросил он, когда открыл глаза.

– Ты даже не знаешь, кого ты... – начал я, затем остановился. – Йозеф, меня зовут Йозеф.

– Да будешь ты благословлён, Йозеф. Я Абернат. – И он положил руку мне на плечо и кивнул. – Я верю, что ты можешь многое сделать ради Императора.

Темница Заподозренных была устроена так, чтобы внушать каждому, кто в ней оказывался, чувство, будто око правосудия взирает на них. Она находилась в одной из «ступиц» колесообразной космической станции, где размещался анклав Экклезиархии в портовой системе Бакка. Даже ходить по её помещениям было равносильно пытке. Все её коридоры были сделаны узкими, но при этом их стены вздымались на высоту, многократно превосходящую рост человека. Потолки были покрыты картинами на темы покаяния и мученичества, а глаза грешников и страстотерпцев были разрисованы так, словно они наблюдали за теми, кто проходил внизу. Но хуже всего был свет.

Со всех стен и потолков свешивались сотни свечей и люминосфер, и они наполняли пространство ярким сиянием. Свет просачивался сквозь статуи слепых ангелов, величественно стоявших в залах и коридорах. Как говорили, в этом месте не было теней, дабы никто не мог скрыть в них грехи. Я же всегда полагал, что грех прячется искуснее, чем мы склонны считать. Стражники были одеты в белое, а нижняя часть лица у каждого была скрыта железной маской с изображением раскрытого в мольбе рта. Тёмные очки защищали их глаза от неугасающего света. Они носили короткие металлические дубинки, увенчанные отлитыми из железа набалдашниками в виде сжатых кулаков. Ключи и цепи, висевшие на их запястьях, постоянно звенели. Формально никто из них не служил в Экклезиархии. Ввиду древнего правила, запрещавшего Министоруму ставить мужей под ружьё, стражники были людьми светскими, прихожанами, а не священнослужителями. Большинство из них составляли ветераны Астра Милитарум и флота или бывшие арбитраторы. Они давали клятву держать под стражей духовных лиц, обвинённых в ереси или преступлениях против культа Императора. К своим обязанностям они относились с величайшей серьёзностью.

Здесь в маленьких камерах оказывались в заточении служители Экклезиархии, сбившиеся с пути истинного. Это место не было приятным. Империиум – империя веры, и Экклезиархия – хранитель сей веры. Император не только бог, но и сам Империиум. Сбиться с пути, оказаться заподозренным – значит

не только подвести Императора, но и нанести ему рану. По крайней мере, так гласило учение.

Я шагал по темнице в одиночестве. Мои одеяния выдавали во мне аббата-инструктора Схолы Прогениум, но на моей шее висела эмблема Инквизиции – вылитая из меди «I» с тремя планками. За спиной я нёс большой боевой молот по праву, положенному мне по рангу и статусу. Никто не пытался остановить меня. Ковенант уведомил темницу о моём появлении, и символ его власти сам по себе был ответом на любые вопросы относительно моего присутствия, которые только могли возникнуть у стражников. Двери из пласта отворялись ещё до того, как я подходил к ним, а стражники в молчании расступались предо мной. Время от времени я слышал крики и стоны, эхом раскатывавшиеся по коридорам. Я сердито глядел на стражников, проходя мимо них. Я не сторонник бездумной суровости в наказаниях и вообще жестокости. Чем больше я вглядывался в подлинный лик вселенной и во все те ужасы, что угрожают человечеству, тем сложнее мне становилось вынести низость, которая часто идёт рука об руку с жестокостью.

Наконец я достиг коридора, в котором была только одна дверь, врезанная в дальнюю стену. Над входом невозмутимо восседал каменный ангел с повязкой на глазах и мечом в руке, изваянный из серого, с прожилками мрамора. Стражники у двери были вооружены силовыми булавами и были облачены в тяжёлую броню из плит цвета серебра. Они склонили головы предо мной. Я не вернул им любезность.

- Откройте, – сказал я.

На мгновение они замешкались, затем вставили два длинных ключа в замочные скважины. С глухим шумом завращались шестерёнки, царапая смазанный металл, механизмы двери поддались, и она открылась настежь. Если в коридорах темницы свет застилал глаза, то взглянуть вовнутрь камеры было всё равно что посмотреть на солнце. Зеркала покрывали все стены, лучи света исходили из углов и с потолка и кололи глаза своим сиянием. Посреди камеры на полу сидел человек и закрывал глаза руками. Его запястья охватывали наручники, цепями он был прикован к полу. Я долго глядел на него.

- Выключите освещение, – сказал я.

Стражники в нерешительности топтались на месте.

- Выключите. Сейчас же.

Свет погас. Сидевший на полу человек не сделал никаких движений. Он по-прежнему закрывал лицо руками.

- Дайте мне свечу, – сказал я.

Стражники снова колебались.

- Вот эта пойдёт. – Я указал рукой на свечу, зажатую в кисти херувима, изваянного на стене возле двери.

Стражники вручили её мне, и я вступил в ныне окутанную мраком камеру. Дверь за мной закрылась, я услышал, как проворачивались её замки. Человек, сидевший на полу, вздрогнул, но не убрал руки с лица. Я аккуратно поставил на пол молот, а затем и свечу

- Ваше преосвященство, – сказал я.

Всё равно он не шелохнулся.

- Владыка кардинал... – Я осторожно склонился к нему и дотронулся до его руки. – Абернат?

Тогда-то он и взглянул на меня или, по крайней мере, попытался. Освещение камеры, должно быть, настолько повредило его зрение, что он стал наполовину слеп. Он моргнул, когда отблеск свечи пал ему на глаза. Потекли слёзы. Он выглядел старым, думалось мне, старым, истощённым, угловатым. Я не видел его три десятилетия, и он не был молод даже в то время, когда я встречался с ним в предыдущий раз. Но я узрел на его лице не только следы времени.

- Йозеф? - спросил он.

- Да, ваше преосвященство. Это я.

- Почему ты здесь?

- Как исповедник, как друг, - сказал я.

Он вздохнул и закрыл глаза.

- Мне не помочь, сын мой, уже нет.

Я чувствовал, как с моих губ готовы слететь заверения в том, что влиятельное лицо может выступить в его пользу. Я сомкнул губы и принялся внимательно изучать его морщинистое лицо, читая его выражение. Наши взоры встретились.

Если ты служишь Инквизиции, то это значит, что ты уже не сможешь глядеть на мир и людей по-прежнему. Ожесточение, расставание с невинностью, восприятие без иллюзий - неважно, как это назвать, но это совершенно необратимо. Как-то воин-ветеран по имени Ианта сказала мне об этом. Она была права.

- Почему тебя уже не спасти? - спросил я кардинала Аберната, не отрывая взор с его лица.

Он грустно улыбнулся уголками губ и отвёл взгляд в сторону.

- Ибо я виновен, - сказал он.

Я не инквизитор, хотя и был знаком со многими из них. Бремя, на них возложенное, мне не по плечу. Их долг в том, чтобы вглядываться в душу каждого, кого они встретят, - будь то союзник или враг, еретик или кающийся, - и измерять её на весах, на другой чаше которых - выживание всего человечества. Я верю, что душа человеческая несёт в себе как изъяны и угрозы, так и блеск и величие, и я не знаю, как соотнести всё это с тяжестью будущего. Не ошибайтесь насчёт меня; я убийца, я солдат, но прежде всего я священник, и в то время как некоторые считают, что Бог-Император, которому мы служим, полон мстительности, я знаю, что Его гнев - это проявление праведности, а не ярости, Его сила - это щит против тьмы. Я исповедую веру. Я не выношу приговоры.

- Ты изумлён? - спросил Абернат.

- Я... Я не знаю, - осторожно ответил я.

Он кивнул.

- Я не мог сказать об этом раньше, - сказал он. - Ты изменился, Йозеф.

- Не особенно, - сухо ответил я.

- О да, изменился, - сказал Абернат и посмотрел на меня снизу вверх. Он улыбнулся той искренней улыбкой, за которой еле заметно проглядывает печаль. - Отчасти дело в том, что ты стал более отстранённым, более холодным, отчасти - в том, что ты осознаёшь, что ты должен быть осторожным в словах, что ты не можешь доверять мне, как прежде. - Он указал рукой на эмблему Инквизиции, висящую на моей шее. - Носить такое тяжело, жить с этим ещё тяжелее. - Он опустил руку, взглянул мне в лицо, всё ещё улыбаясь, и пожал плечами. - Я рад видеть тебя, Йозеф. Правда.

- Что случилось? - спросил я.

- Ты разве не читал перечень обвинений? - спросил он в ответ. - Трибуналу непорочности на Бакке не по нраву вмешательство Инквизиции, но помешать ей не в его силах. Всё, что я натворил, всё, за что я буду наказан, изложено там ясно и правдиво.

- Что случилось? - снова спросил я.

На самом деле, я прочитал перечень обвинений несколько раз, разбирал их вместе с Виолой, ища несоответствия в юридических формулах. Мы ничего не нашли. Но записанные слова не равносильны произнесённым.

- На меня снизошло откровение, Йозеф, - сказал он.

Его тело содрогнулось, боль исказила его лицо, и он прижал ладонь к боку. Я двинулся к нему, но он выставил вперёд руку и покачал головой.

- Возраст, сын мой. Возраст и сидение в цепях на холодном полу. Пройдёт.

Я ждал. Через минуту его лицо разгладилось.

- Откровение, Йозеф. Знаешь, богословские трактаты неправильно описывают, как оно снисходит. Это не как огонь, молния или что-нибудь такое банальное, как пробуждение.

- Ты тогда был на мире Доминик-Прайм, не так ли?

- А, так ты по крайней мере хоть что-то читал. Да, я был там, посетил Доминик с торжественным визитом в ходе тура по мирам сектора...

Он замолк.

- Поведай мне, - сказал я. - Я проделал долгий путь, старый друг.

Дрожа от холода, он кивнул мне и продолжил разговор.

- Пять лет ушло на планирование поездок, десять - на выполнение. На мирах сектора Карадриад волной нарастало число инцидентов. Не внезапная эпидемия ересей, а постепенное усиление страха, и в его тени за ним следовали два его спутника - насилие и восстание. Лжепророки, басни о святых и воскрешениях, апокалиптические знамения - к людям приходили видения, а взбудораженные слухами толпы наводняли улицы. Но, конечно же, ты знаешь об этом больше, чем я.

Он остановился и облизал губы, сухие и обветренные. Я передал ему флягу, которую таскал на поясе. Он сделал маленький глоток воды.

- Предполагалось, что церемониальное паломничество будет той водой, что не даст тлеющему хворосту воспламениться. Так что я вместе пятьюстами епископами, исповедниками, проповедниками и прочими

священниками ушёл в странствие к звёздам, взяв с собой легион служителей и наполненную реликвиями сокровищницу. Наше прибытие на тот или иной мир походило на вторжение. Мы устраивали шествия с доставленным нами реликвиями, собирали толпы, дым фимиама затмевал небо, и отовсюду нами слышались благоговейные возгласы. Так шли дела на дюжине миров. А затем мы прилетели на благочестивый и благословлённый Доминик-Прайм, мир, посвящённый одной только вере. Когда мы высаживались на его поверхность, то видели его усыпанные паломниками равнины, море людей, обративших взоры к небу...

Нам приготовили огромный многоярусный помост из камня и металла размером с боевой титан. На его стенах были выгравированы огромные лики святых. Из их глаз-отверстий выпадали лепестки роз и золотистые лепёшки из гостии^[1]. Когда я взошёл на помост, чтобы дать людям благословение, все в толпе упали на колени, и моё первое слово прогремело как раскат грома... То ещё чувство. В такие мгновения тебе следует быть скромным. Ты голос божественного Императора, вестник Его истины. Ты мал, но на плечах твоих - тяжесть Его присутствия.

Вот тогда-то это и произошло. Я смотрел на толпу, и мой взгляд зацепился за некую женщину. Она умирала. Стоя на коленях, она пыталась поднять голову, чтобы смотреть на меня. На её лице и одежде была видна кровь, и, неведомо как, но я осознавал, что это последние мгновения её жизни. Она исчерпала все жизненные силы, чтобы добраться сюда. Ради того, чтобы увидеть меня. И в миг, когда я смотрел на неё...

На этом Абернат замолк. Он перевёл взгляд на свечу, казалось, что его глаза смотрят одновременно и вдаль, и вглубь.

- Я видел что-то... Нет, не так: я не видел. На мгновение я оказался где-то в ином мире.

От звука его голоса волосы на моём теле вставали дыбом. Я видел святых и демонов, внимал пророчествам и чувствовал вблизи дыхание вечности. Но эти его слова необъяснимым образом леденили плоть. Я не открывал рта. Какая-то часть меня не хотела, чтобы он говорил и дальше. Но он продолжил.

- Я оказался в некоем городе. Он не был похож на что-либо виданное мною прежде. Я скорее чувствовал, чем видел то, каким огромным он был. Статуи и здания возвышались как горы. Улицы казались каньонами. Город был великолепным, униженным и разрушенным. Небоскрёбы упали наземь. Булыжники усыпали дороги, а пепел оседал на людских костях. Пыль завивалась вихрями, порой вздымаясь до высоты облаков. Я ощущал и ветер, и мёртвый холод. Я не видел в жизни ничего более ужасного... и я знал, что всё это происходит на самом деле.

Он замолк, и я осознал, что он дрожал, обхватив туловище руками, как если бы он защищался от мороза. Какое-то время я не мог ничего сказать. Я слышал подобные признания прежде, и всё же то, что он сказал, заставило меня задержать воздух в лёгких. До этого я держался на ногах, но теперь я присел на пол перед Абернатом и подвинулся ближе к нему, ожидая от него новых слов.

- Ты осознавал, где ты находился? - наконец спросил я.

Долгое время он не шевелился и только созерцал пламя свечи. Затем он медленно кивнул.

- Да, - сказал он. - Думаю, да.

Я кивнул. Я тоже знал. Мне довелось слышать, как умирающая ведьма на последнем издыхании произнесла слова, которые могли бы принадлежать Абернату. Зброшенный Город - так Аргенто,

бывший наставник Ковенанта, назвал это место – отголосок грядущего и отражение ужасной истины. Место из видений, место, где можно было оказаться только в мгновения откровения.

- Что-нибудь ещё? – осторожно спросил я.

- Да, – тихо сказал Абернат, и по его щекам вновь потекли слёзы. – Я слышал голос.

- Что он говорил?

- Он говорил... – он затрясся, как унесённый ветром клочок пергамента. – Он кричал... Он страдал от боли. Я чувствовал... *боль*. Ужасную боль.

- И?..

- «*Я не могу больше*», – сказал Абернат, и теперь он застыл на месте, а в его глазах царил пустота. – Вот что прозвучало. «*Я не могу больше*».

- И ты видел, кто это говорил?

Его кивок был еле заметен.

- Поведай мне, – сказал я.

Я увидел, как он вздрогнул и чуть было не затряс головой в знак отказа. Затем он произнёс:

- Фигура... фигура на каменном кресле посреди города.

- Нет, – мягко сказал я. – Это ведь было не кресло, не так ли?

Он тряс головой. Он закрыл глаза, переживая боль, как если бы мысль жгла его.

- Это был трон, – сказал он. – Да простит меня Он, но это был трон. Голос, он... Он говорил, что Он больше не может...

Я откинулся назад, закрыл глаза и слушал, как тихо плакал человек, которому я больше всех был обязан в жизни.

- Ты говорил другим о том, что ты видел, – сказал я. Это бы не вопрос: я и так знал. Я видел все доказательства по его делу, даже те, что будут сокрыты от трибунала непорочности.

- Не сразу. Я заморгал, город перестал звучать, и я вновь оказался на помосте на Доминике-Прайме, а сотни тысяч глаз были устремлены на меня... Я потерял сознание. Когда я очнулся, я...

- Ты разговаривал с исповедником Ниссеной, затем с Гардулой. Ты проповедовал, Абернат. Ты начал проповедовать небольшим группам о том, что видел.

- Пришли бури: корабли исчезали, множились видения и зловещие знамения, тьма пожирала звёзды. И я знал. Я знал, что всё это происходит из-за того, что я видел.

- И что же ты видел? – спросил я.

Абернат отвёл взгляд в сторону и посмотрел на руки.

- Истину, – сказал он.

- Какую истину?

- Бог-Император умирает.

Да оберегут меня святые, для меня было ударом услышать такое от него.

- Эта ересь пятнает твою душу, и миллиарды людей могли бы потерять веру, если бы они услышали её из твоих уст... - сказал я.

- Вера имеет значение только тогда, когда она истинна. Йозеф, ты помнишь это. Ты ведь *знал* это.

- Я всё ещё знаю это, - сказал я.

- Я тебе завидую.

Наступила тишина. Безмолвие окутало нас, сидевших на полу возле свечи. Наконец я заговорил, слова дались мне тяжело.

- Я хотел бы попросить тебя кое о чём, старый друг.

- Он будет наказан, - сказал я. - Он виновен. Он знает это. Он просто хочет, чтобы всё закончилось.

Ковенант слегка кивнул в знак подтверждения.

Я вздохнул и принялся потирать глаза. Рука выдавала мою старость. Под узорами татуировок и скоплениями шрамов виднелись морщины.

Мы находились на борту «Дионисии», пристыкованной к анклаву Экклезиархии. Когда я вернулся из Темницы Заподозренных, Ковенант ждал меня. Мы поговорили наедине, и нас видели лишь серебряные и золотые маски врагов и союзников, висевшие на отделанных деревом стенах.

- Его мучает боль, - сказал я.

- Груз вины? - спросил Ковенант.

- Нет, тяжесть того, о чём, как он думает, он знает. Это ужасно, когда вера сталкивается с частичной истиной.

- Ты ведь выдержал, - сказал Ковенант.

Я фыркнул.

- Я простая душа, лорд. Порой быть недалёким - только к лучшему.

Ковенант поднял бровь. На рабочем столе подле него вокруг бронзового диска вертелись и извивались латунные манипуляторы компактного универсального станка. Кабель соединял механизм с разъёмом мыслиемпульсного устройства в голове Ковенанта, хромированной косою свисая с его затылка. Лазерные микрогорелки и шлифовальные круги взметали в воздух искры и абразивную пыль, порождая сверкающий вихрь. Диску была предназначена роль гарды меча. На бронзе складывались узоры: розы, шипы и птицы. Какое-то время я наблюдал за работой, смотря на искусные движения инструментов, направляемых мыслями моего повелителя. Мы все суть души, раздираемые конфликтами, плоть, наполненная противоречиями: священник и палубный бандит, еретик и святой, палач и мечтатель.

- Вы были правы, - наконец сказал я. - Есть кое-что, о чём он не рассказал исповедникам Экклезиархии.

Ковенант наклонил голову, но ничего не сказал, застыв в ожидании, пока манипуляторы станка вальсировали подле него. Он знал, что подобное произойдёт, знал, что ересь Аберната несёт в себе тень тайны. Мы полетели на Бакку не ради дружбы, не ради памяти о старых временах. Мы явились туда из-за того, что Абернат узрел в том видении, которое разрушило его веру. Мы явились туда из-за того, что случившееся с ним было лишь звеном в цепи, звеном в грандиозной и ужасной цепи событий, которая могла закончиться гибелью всего человечества.

Есть то, что более важно, чем отдельные личности, более важно, чем один человек или смысл чьей-то жизни. Мы должны быть чем-то большим, чем наши собственные желания, чаяния, верования. Этому меня научил Абернат много лет тому назад, в это я верю, и вот почему я пришёл к нему, чтобы выслушать его, и спросил, есть ли что-нибудь ещё, в чём он до сих пор не признался.

- В Зброшенном Городе, - сказал я, - перед тем, как видение исчезло, он, по его словам, слышал кое-что ещё.

Ковенант ждал продолжения. Я закрыл глаза и слегка покачал головой.

- Ты знаешь, что с тобой будет? - спросил я Аберната.

Он кивнул.

- Я знаю. Моё наказание предопределено моим грехом. И я согрешил, Йозеф. Я не хочу избежать того, что мне уготовано, хотя и я знаю, что ты можешь вмешаться. Я подвёл моего бога.

- Не в вере, - мягко сказал я.

- Нет, - ответил он. - В силе воли, Йозеф. Я слабая душа, которой нужен кто-то сильнее, чем я, чтобы дать мне то, чего мне недостаёт. И когда я увидел лик всего того, во что я верил, я не мог не прийти в отчаяние.

- Он сказал, что голос произнёс: «Пожалуйста... освободите меня».

Манипуляторы станка замерли. Ковенант присел и посмотрел на меня.

- Доминик-Прайм, - тихо сказал он. - Авгуры и знамения указывают на это место.

Я не дал ответа. Он и не требовался. Необходимые шаги будут предприняты, информация будет собрана и проверена. Одним за другим появлялись знамения - Император ищет способ вновь ходить среди людей. Мы опять гнались за живыми божествами, хотя я не мог сказать зачем - ради того, чтобы обрести спасение, или ради того, чтобы спасти всех от проклятия. Другие будут заниматься тем же самым. Но поиски истины были не моим делом. Я только знал, что в прошлый раз они привели к страданиям и бедствиям.

- Вы уверены, что вы желаете избрать этот путь, лорд? - спросил я.

- Это то, что от меня требуется, - ответил он. - Я делаю то, что должен.

Я кивнул. Я знал, что его не остановить. Я храню веру и всегда хранил, даже несмотря на то, что я видел и сделал. Это моё призвание. Я верю не в непорочность или праведность, но в то, что, если мы следуем нашему предназначению, Бог-Император действует через нас. Мне не требуются видения, чтобы знать

это, равно как и полная уверенность в этом. Мне достаточно знать самого себя и делать то, что в моих силах. Мне не нужны иные тому доказательства, чем сам факт моего существования, то, что я прожил так долго и всё ещё продолжаю служить. Моя вера проста. Возможно, слишком проста.

- Лорд, - тихо сказал я. - Абернат, он...

- Он был хорошим человеком, - сказал Ковенант прежде, чем я смог облечь в слова мысли в моей голове. - Но он виновен, и он сам намерен принять наказание. Я не буду вмешиваться. Ты не можешь спасти его, Хорив. И не должен пытаться. Иногда даже люди, которые нас воспитали, оказываются недостойными.

Я кивнул. Я знал, что таков будет его ответ, так же, как и он знал, что я буду пытаться замолвить слово за Аберната, и он избавил меня от необходимости излагать просьбу, которую он не был готов удовлетворить.

- Мне жаль, - сказал он наконец.

Я поднял глаза вверх и встретил его взор своим. Говоря, душу человека узнаёшь по его деяниям. Но нет. Внутри скрыто больше, чем мы можем видеть.

- Могу я в таком случае попросить кое о чём, лорд? - спросил я.

Ковенант кивнул.

- Как только наказание будет исполнено, вы можете направить в Экклезиархию запрос, который там будут рады удовлетворить, и вам даже не потребуется отдавать прямой приказ.

Ковенант долго смотрел на меня. Станок на столе вновь включился.

- Говори, - сказал он.

Экклезиархия удовлетворила наш запрос. Церковные власти немного могли бы сделать, если бы захотели отклонить его, но они и не пытались. Процесс был завершён, приговор был вынесен и приведён в исполнение.

Мы забрали... *это* в причальных отсеках поблизости от трибунала непорочности. Это создание покорно стояло там. Кровь всё ещё текла там, где к его спине были гвоздями прибиты восковые свечи. Его плоть крест-накрест пересекали швы. Новые мышцы были пересажены под его морщинистую кожу, отчего её распирало, как туго натянутую барабанную мембрану. Его спину покрывали разёмы для инъекций и флаконы с наркотическими веществами. Руки безвольно свисали под тяжестью закреплённых на них стальных когтей и силовых цепов. Оно прошаркало вперёд и остановилось перед нами. Аркофлагелляция как процедура и мера наказания - это показатель того, как в наш век ценится доброта. Куски плоти отрубаются наравне с частью личности, и на их место приходят незамутнённая ярость и навеянный гипнозом покой.

- Как он теперь зовётся? - спросил я.

- Кредо Четыреста Двадцать Пять, - сказал стражник, сопровождавший существо.

Оно подняло голову при звуке своего имени. Стальной визор покрывал верхнюю половину его лица и опоясывал череп. Сквозь узкие прорезы в металле было видно, что в его безмятежных, налитых кровью

глазах мерцал бледный огонь. Рот был открыт, слюна бежала по его подбородку.

- Он отвечает только на голоса, которым он запрограммирован подчиняться. Шлем делает его покорным, пока не произнесён код пробуждения. Он готов следовать вашим приказам, лорд.

- Передай нам коды управления, - сказал Ковенант.

Стражник предъявил запечатанный свиток. Ковенант взял его и, не изучая его, передал мне. Какое-то время я держал его обеими руками. Ковенант развернулся и пошёл к стыковочному рукаву, сцепленному с «Дионисией». Я наполовину обернулся и затем бросил взгляд через плечо на сгорбленное существо, которое некогда было одним из лучших людей, которых я когда-либо знал.

- Следуй за мной, - сказал я. Во рту было сухо, в ушах звенело.

И он в безмолвии пошёл за мной, как ребёнок, как потерянное дитя.

1. Гостия (от лат. *hostia* — «жертва»; англ. *wafer*) - название хлеба, используемого при богослужениях в католицизме латинского обряда, а также в англиканской и ряде других протестантских церквей.
(Примечание переводчика.)

Источник —

[https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Отец_веры_/_The_Father_of_Faith_\(рассказ\)&oldid=26000](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Отец_веры_/_The_Father_of_Faith_(рассказ)&oldid=26000)

Эта страница в последний раз была отредактирована 17 сентября 2024 в 07:01.